

Глава I

Вступление

Сьерра-Бланка. — Великая Степь. — Долина Сан-Ильдефонсо

Все, о чем здесь будет рассказано, произошло в центральной части Американского материка, более чем за четыреста миль от берегов обоих океанов.

Давайте вместе со мной поднимемся на эту гору и с ее покрытой снегом вершины посмотрим вокруг.

Вот мы уже достигли самого высокого гребня. Какая же картина открывается перед нами?

На севере снова горы через тридцать параллелей тянутся до самых берегов Северного Ледовитого океана. На юге тоже возвышаются горы, то поодиночке, на расстоянии друг от друга, то объединившиеся в живописные группы, порой сплетаясь внутри. На западе опять громоздятся горы, четкие профили которых вырисовываются в небе, а между основаниями, у подножий, виднеются в виде широких площадок многочисленные плоскогорья.

Обратимся же теперь к востоку. Здесь нет гор, и, куда только в состоянии проникнуть наши взоры, не заметно ни одной горной вершины! Ни одной — на тысячи миль! Темная линия на горизонте, протянувшаяся над равниной, — не более, как скалистый край другого плоскогорья, такой же равнины, только несколько более приподнятый выше, чем уровень моря.

Где же мы очутились? На какой вершине? Мы находимся на вершине Сьерры-Бланки, получившей такое название

потому, что три четверти года она покрыта снегом. Охотники называют ее «Испанский пик». Перед нами западная граница Великих Равнин.

На востоке не заметно ни малейших следов цивилизации. Можно, не встретив их, проехать целый месяц в этом направлении. На севере, на юге — одни только горы, которых никогда не касалась нога или рука человека. Но к западу картина совершенно другая. С помощью подзорной трубы мы видим вдалеке обработанные поля, протянувшиеся вдоль берегов реки, сверкающей на солнце. Это поселения Новой Мексики, оазис, орошаемый водами Рио-дель-Норте.

Но не эта страна нас занимает — события, описанные далее, произошли не здесь.

Обратимся снова на восток, и мы увидим то место, где развернутся действия, описанные в нашем рассказе. У подножия Сьерры-Бланки, где мы теперь стоим, начинается плоскогорье, границы которого сливаются с восточным горизонтом. Здесь нет предгорий; с его круглых, поросших соснами склонов мы спускаемся прямо на гладкую почву равнины.

Равнина эта отнюдь не однообразна: там и сям образует ярко-зеленые лужайки разросшаяся высокая густая трава, называемая в ботанике *chondro sium faneum*; однако большая ее часть напоминает бесплодную пустыню Сахару. Местами темнеют бурые участки выжженной солнцем земли, без единой травинки, местами желтеют пески; кое-где дальше соль, проступая сквозь землю, белеет подобно снегу, хрустящему у нас под ногами.

Тощие растения, прозябающие в этой дикой местности, не одевают землю зеленым нарядом. Вы видите агаву, мексиканские алоэ с листьями, испещренными багряными полосками, и тусклую зелень кактусов, которая выглядит еще более безжизненной и мрачной из-за их бесчисленных колючек. Острые

стебли юкки, покрытые пылью, похожи на связки штыков, до половины изъеденных ржавчиной. Приземистые чахлые акации дают так мало тени, что под ней могут спрятаться лишь гремучие змеи да отвратительные огромные темные ящерицы. В промежутках малорослая пальма со стволом, лишенным ветвей, разворачивает свое опахало из лапчатых листьев, придавая пейзажу африканский характер. Взор очень скоро утомляется при виде местности, на которой все растения: деревья, кусты, трава и даже мелкие травинки — имеют угловатые формы и кажутся колючими.

С каким наслаждением мы смотрим на чудесную веселую долину, скрывающуюся к востоку от подножия Сьерры-Бланки. Какая противоположность между этой дикой местностью и долиной, густая зелень которой, подобно богатому ковру, испещрена яркими цветами. Они сверкают в траве, как драгоценные камни, а серебристый тополь, зеленый дуб, дикое хинное дерево и кудрявая верба, сплетающие свои ветви в густой тенистой роще, словно приглашают вас под свои ветвистые своды. Нам следует спуститься к ним.

Вот мы и у края плоскогорья, но цель нашего путешествия — долина — все еще далеко внизу, дальше, по крайней мере, на милю ниже. Однако с выступа вроде мыса, нависающего над долиной, прекрасно видна вся она на многие мили.

Как и плоскогорье, лежащее выше, она тоже плоская: если смотреть на нее сверху, то кажется, что земная кора раздвинулась и часть плоскогорья соскользнула вниз, в самые истоки животворной силы земли, до которых не дотянуться высокому плоскогорью.

С обеих сторон долины многочисленные отвесные скалы виднеются на большом расстоянии; они имеют крутые высокие уступы, практически неприступны; взобраться по ним можно только в некоторых местах.

Ширина долины составляет, может быть, миль десять, а окружают ее весьма крутые каменные стены одинаковой высоты, точь-в-точь похожие друг на друга и имеющие лишь несколько спусков. Мрачные, жутковатые, они служат контрастом прелестной, сияющей долине, в них заключенной, и напоминают великолепную картину, помещенную в простую, грубую раму.

Река, перерезающая эту долину, делит ее пополам: она не течет по прямой линии, а серебристой змейкой извивается то в одну, то в другую сторону, делая причудливые многочисленные обороты, как бы страшись минуты, когда должна будет покинуть это очаровательное место. Берега ее окружены лесом, но не везде одинаково: здесь ее едва прикрывает зелень деревьев, там — широкая полоса под непроницаемой тенью густой растительности, а дальше зеленый дерн стелется до самой воды.

Местами деревья группируются в небольшие рощи самых разнообразных форм: одни совершенно круглые, другие — продолговатые или овальные, третьи похожи на рог изобилия. Густые вершины редких деревьев доказывают, что природа позволила развиваться им без малейшего препятствия. Так и чудится, что видишь перед собой прекрасный парк, разбитый искусной рукой человека, который заботился о красоте и гармонии.

При взгляде на этот парк в голову невольно приходит мысль: нет ли здесь дворца или какого-нибудь замка, который завершил бы картину; но мы тщетно пытались бы отыскать здание: нигде не видно даже дымка из трубы. В этом диком раю не встретишь ни одной живой души. На великолепных лугах блуждают стада серн, величественная лань покоится в тени густой листвы, — но ни малейшего следа человека... Может быть, даже нога человека никогда...

Остановитесь! Вот мексиканец не согласится с нами — он говорит совсем другое. Послушаем.

— Эта долина называется Сан-Ильдефонсо. Несмотря на то что сейчас она пустынна, было время, когда здесь жили цивилизованные люди. Беспорядочные возвышения, то здесь, то там встречающиеся посредине долины и покрытые травой и кустарниками, — это развалины большого, богатого и цветущего города.

В этом городе стояла крепость, на башнях которой развевался испанский флаг. В обширном здании помещалась иезуитская миссия, а в окрестности жили крупные землевладельцы и богатые рудокопы. Деятельное население оживляло эту молчаливую ныне пустыню, в которой, как везде на земле, царили любовь и ненависть, честолюбие и месть, скудость и зависть — одним словом, кипели все человеческие страсти. Но сердца, которыми они владели и в которых бушевали, давно уже перестали биться и остыли; действия их и дела, ими совершенные, не нашли места и не запечатлены на бумаге, в летописях народа, и если сохранилась о них память, то лишь благодаря легендам и рассказам, более похожим на вымысел, чем на исторические факты.

Между тем, этим легендам нет еще и столетия. Еще сто лет назад с вершины Сьерры-Бланки видны были не только колония Сан-Ильдефонсо, но города, деревни и поселки — там, где ныне не заметно ни малейшего следа цивилизации. Названия этих городов позабыты, и история их погребена под развалинами.

Индейцы свершали жестокий акт мщения над убийцами Монтесумы¹. Апачи, навахои, липаны, утахи, команчи и другие

¹ Монтесума — вождь ацтеков в Мексике. Убит во время завоевания Мексики испанцами в тысяча пятьсот двадцатом году.